

Глава 6. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В РОССИИ

Проблема среднего класса в контексте трансформационных процессов в российском обществе понимается прежде всего и в самом общем виде как определение путей и способов создания *доминирующей по численности в структуре общества совокупности домохозяйств с достаточно высокими по уровню и средними по удельному весу параметрами, отражающими качественные характеристики их жизнедеятельности, члены которых в целом лояльно относятся к существующему общественному устройству и выполняют нормативно-исполнительские функции по его поддержанию.* Именно возникновение такого преобладания будет означать создание нового качества общества и его стабильность, устойчивость, в конечном итоге – перспективность развития. В этом ракурсе мы будем рассматривать проблематику среднего класса в этой главе.

6.1 Средний класс России: методологические подходы к исследованию

Противоречия формирования среднего класса в условиях трансформации социальных институтов, социальной структуры давно и активно обсуждаются в политическом, социологическом и экономическом дискурсах. Это связано с той особой ролью, которая подчеркивается практически всеми исследователями российского среднего класса, — ролью *социального стабилизатора* общества "на переломе", призванного разрешить острые противоречия его аномийного состояния. Иными словами, с одной стороны, средний класс рассматривается как главный фактор и опора формирования благоприятной институциональной среды, а с другой — как основной ожидаемый продукт этого процесса. Таким образом, институциональный аспект исследования проблематики среднего класса предполагает два уровня анализа: 1) противоречия и специфика формирования и морфогенеза институтов; 2) стратегии поведения социально-профессиональных групп, составляющих его ресурсы.

Средний класс стал объектом исследований российских обществоведов с рубежа 90-х гг. На первом этапе³⁰² пристальный интерес вызывали теоретико-методологические вопросы, попытки разобраться в том, как можно "выделить" средний класс из общей массы маргинализованного населения, какие методологические инструменты при этом применимы, как определить его специфику и социальную значимость. Одним из результатов этих изысканий стал известный тезис о мифическом характере среднего класса, или же о существовании его в зародыше (как протокласса³⁰³). В последние годы появились фундированные попытки замеров его основных параметров³⁰⁴. Разноречивость полученных результатов эмпирических исследований подтверждает неразрешенность и незавершенность их теоретико-методологического обоснования.

Основные спорные моменты связаны с комплексом вопросов, касающихся определения критериев среднего класса в обществе и его социальных функций в российских условиях. Именно специфика российской действительности превращает "поиски среднего класса" в нашей стране в методологическую головоломку, заставляет переосмысливать классические западные каноны, по которым он определяется. Между тем явно или неявно ощутимы попытки "найти" средний класс именно классического, западного образца.

Исследования среднего класса на Западе стали традицией уже давно и тесно связаны с историей возникновения институтов индустриального общества. Поиски критериев разнородного и пестрого социального конгломерата, носящего это обозначение, также всегда были актуальными.

Понятия "средний класс" и "средние слои" часто пишутся через запятую, употребляясь практически как синонимы, что лишний раз показывает их "размытость". Это объяснимо, если учесть гетерогенность групп, входящих в состав этого феномена. Но определенное различие все же следует подчеркнуть. Оно задается концепцией исследовательского подхода. "Слоевой" подход акцентирует понимание *промежуточности* социального положения между верхами и низами общества как сущностной, критериальной характеристики. Иными словами, средние слои – все те разнородные группы, которые заполняют социальное пространство в границах между элитой, "богатыми", с одной стороны, и бедными, андерклассом, "социальным дном" – с другой. Эта мысль привлекательна и для ситуации современной России. Например, А.Г. Здравомыслов считает плодотворным, следуя идущей от Аристотеля тенденции, понимать средний класс как срединный слой общества (замечая при этом условность понятия "класс" с точки зрения марксистской традиции)³⁰⁵. В этом подходе есть свои акценты и аспекты. Один из них, обозначенный как "техническая точка зрения"³⁰⁶, ярко представил М. Хальбвакс, исследуя в 1939 г. генезис и функции среднего класса. Он подчеркивает положение среднего класса – между буржуазией и

³⁰² См., напр.: *Стариков Е.* Угрожает ли нам появление "среднего класса"? // Знамя. 1990; *Беляева Л.А.* Средний слой российского общества: проблема обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10; *Умов В.И.* Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. № 4; Социально-политические очерки о среднем классе / Экспертный совет "Круглого стола бизнеса в России". М.: Академический центр "Российские исследования", 1994.

³⁰³ См.: *Заславская Т., Громова Р.* К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. № 4.

³⁰⁴ Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, РНИСиНП, 1999; *Хахулина Л.* Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения экономических и социальных перемен ВЦИОМ. 1999. № 2 (40); *Беляева Л.А.* В поисках среднего класса // Социол. исслед. 1999. № 7. *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001; Средний класс в России: количественные и качественные оценки. Бюро экономического анализа. М.: ТЕИС, 2000; *Л. Григорьев, Т. Малева.* Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. 2001. № 1; *Е. Аврамова, Л. Овчарова.* Количественные оценки российского среднего класса методом концентрации признаков // Вопросы экономики. 2001. № 1; *Космарская Т.* Количественные характеристики среднедоходных групп населения России // Вопросы экономики. 2001. № 1; и др.

³⁰⁵ *Здравомыслов А.Г.* Несколько замечаний по поводу дискуссии о среднем классе // Средний класс в современном российском обществе. Указ. соч. С. 34-35.

³⁰⁶ *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. СПб.: Алетей, 2000. С. 102.

ремесленниками, и основной критерий – "техническую деятельность" среднего класса, также промежуточную, посредническую, связанную со знанием и исполнением некоторого числа правил, предписаний, методов, и не более того. То, что выходит за эти рамки, т.е. адаптация правил к меняющимся или нестандартным ситуациям, – является уже полем деятельности буржуазии³⁰⁷.

Другой подход подчеркивает значимость показателей социально-экономического положения многообразной совокупности групп, объединяемых понятием среднего класса. Это понимание класса основывается на сходстве в обладании материальными ресурсами и степени контроля над ними³⁰⁸. На этой основе выстраиваются достаточно четкие критерии отнесения к среднему классу. Основными из них являются, прежде всего, определенный уровень дохода³⁰⁹ и наличие собственности; достаточно высокое образование, дающее возможность получения престижной профессии и работы, карьеры, иными словами, достаточно высокий статус в обществе; и, наконец, некоторые авторы подчеркивают особое социальное мировоззрение³¹⁰, присущее среднему классу. Один из наиболее интересных подходов к исследованию противоречий в положении российского среднего класса развивает С. Саблина. Опираясь на концепцию статусной рассогласованности, ее объективного и нормативного подхода, она выделяет проблематику несоответствия, несовпадения статусов субъектов в разных измерениях социальной стратификации, кристаллизации статуса различных групп срединных слоев, формирующих в потенциале полноценный средний класс³¹¹.

В структуре среднего класса, как правило, выделяются по своему положению разнородные категории. Согласно Гидденсу, их можно обозначить как старый средний класс, объединяющий представителей малого и среднего бизнеса, высший средний класс, в который попадают профессионалы высокого уровня, и низший средний класс – служащие, мелкие чиновники и т.д.³¹² Такое деление отражает картину западных обществ. В то же время закономерностью современных постиндустриальных обществ стало формирование новой конфигурации классовых отношений в связи с ростом т.н. "класса интеллектуалов", существенно влияющей на положение традиционного среднего класса³¹³.

Для понимания роли среднего класса важен вопрос о его социальных функциях. В зависимости от целей анализа описывается достаточно много функций; их можно объединить в следующие категории. Прежде всего, как уже говорилось, средний класс – *социальный стабилизатор*. Это одна из главных функций, суть которой заключается в том, что средний класс в силу своей массовости и срединного, связующего полярные слои положения, а также стремления сохранить устраивающие его порядки способствует удержанию общества в состоянии социального равновесия. Базовой является и органически присущая среднему классу функция *административно-исполнительного регулятора*. В среднем классе сосредоточены многочисленные группы государственных чиновников, управленцев разного ранга, специалистов в различных сферах, служащих, профессиональная деятельность которых чрезвычайно важна для отлаженной работы механизмов общественной жизни, функционирования институтов, соблюдения норм и правил. *Культурный интегратор* – особая функция, определяемая достаточно высоким уровнем культуры и общественного сознания среднего класса. Т. Заславская и Р. Громова, выделяя эту функцию³¹⁴, подчеркивают трансляцию национальной культуры, т.е. ценностей, норм, образцов поведения и стилей жизни, распространяемых средними слоями на "близлежащие" слои и связывающих общество в единый организм. *Экономический донор* – не менее важная функция. Благодаря высоким доходам и экономической активности, представители средних слоев вносят основную часть в доходы государства, являясь главными производителями и потребителями, а также налогоплательщиками и инвесторами. Кроме указанных, исследователи выделяют также функции агента технологического и социально-экономического прогресса³¹⁵ и генератора социальной мобильности в обществе³¹⁶.

Все эти "классические" для Запада характеристики среднего класса претерпевают серьезные изменения при попытках описать ими искомое аналогичное явление в российской действительности. Их неизбежная адаптация к пестрому содержанию котла социальных метаморфоз, в котором, очевидно, еще не закончились бурные процессы кипения, приводит к методологическим "провалам".

Возникают естественные вопросы: что называть средним классом и средними слоями в России? Был ли у нас средний класс? В чем разница и что было в основе? Что называть средним классом сейчас? И не лежит ли в поисках среднего класса всего лишь желание, "чтобы было как у людей"³¹⁷?

Действительно, в России средний класс иногда выглядит неким варягом, призываемым откуда-то извне спасти кризисное общество. Очевидная для многих его потенциальных групп дисгармония между критериями отнесения к среднему классу (прежде всего, по показателям дохода), отсутствие условий нормального функционирования, отмеченный исследователями феномен распада функций по различным группам³¹⁸ и, в конечном итоге, отсутствие нормальной институциональной среды заставляют задуматься о сути того, что называется спецификой российского среднего класса вообще и в условиях социальной трансформации конкретно.

В рассмотрении сути среднего класса (средних слоев) в России важно понимание сути глубинных процессов трансформации социальных институтов, определяющих общественное устройство. Один из аспектов предложен в

³⁰⁷ Там же. Указ. соч. С. 99, 103-104.

³⁰⁸ См.: Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Указ. соч. С. 199.

³⁰⁹ Например, границы дохода среднего класса в США определяются от трети среднедушевого национального дохода до полуторного его превышения. (См.: Дмитричев И.И. Проблемы формирования среднего класса // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. М., 1998. Вып. 4. С. 10.)

³¹⁰ См.: Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: "Academia", 1999. С. 206-207.

³¹¹ Саблина С.Г. Кристаллизация социального статуса // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 101-111.

³¹² См.: Гидденс Э. Указ. раб. С. 208-210.

³¹³ См.: Иноземцев В.Л. "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6.

³¹⁴ Заславская Т., Громова Р. Указ. раб.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Рыбалов Д.Е. Средний класс России: тенденции и перспективы развития. М.: Изд-во Рос. экон. академии, 1998.

³¹⁷ Дискин И.Е. Средний класс как "мигрант" в консервативном российском обществе // Средний класс в современном российском обществе. Указ. раб. С. 34-35.

³¹⁸ Заславская Т., Громова Р. Указ. раб.

концепции институциональных матриц (С. Кирдина). Эта концепция, развивая понятие институциональной матрицы, данное неинституционалистами³¹⁹, рассматривает его в социологическом аспекте. *Институциональная матрица* определяется как устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер³²⁰, и таким образом представляется как воспроизводящаяся в исторической перспективе жесткая структура общества, обеспечивающая его целостность в социальных катаклизмах и трансформациях. Автор выделяет два типа институциональных матриц – восточную и западную (X- и Y-матрицы). Другими ключевыми понятиями этой концепции являются понятия базовых и дополнительных институтов. Базовые институты, трактуемые как глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивают воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ, доминируют над институтами альтернативными, которые, в свою очередь, несут вспомогательный, дополнительный характер, обеспечивая устойчивость институциональной среды³²¹. Итак, согласно этой теории, дополнительные институты поддерживают базовые, привнося в их конфигурацию необходимое новое и определяя направления трансформации. Здесь можно соотнестись с высказанными институционалистами, в частности, Г. Мюрдалем, идеями о необходимости критического подхода к перенесению на чуждую почву принципов и норм, присущих иной общественной традиции³²². Что может дать указанный подход в исследовании среднего класса?

Прежде всего, необходим хотя бы общий экскурс в историю России и обращение к аналогам среднего класса, формируемым историческими условиями. Они были иными, чем на Западе, где процесс этот носил органический характер и определялся развитием капиталистических отношений и переходом к индустриальному обществу. В России в эпоху становления капитализма основой среднего класса стала весьма пестрая по составу разночинная интеллигенция, служащие, студенчество³²³, роль интеллигенции всегда в России имела особый, духовный смысл. Кроме того, средние слои в России в основной массе не являлись собственниками³²⁴. После Октябрьской революции состав, источники и механизмы формирования интеллигенции изменились, но определенные черты остались традиционными. Итогом стало образование *советских средних слоев*, которые составляли основу общества достаточно высокого уровня однородности. Но базовые характеристики российской интеллигенции – подспудное осознание духовных приоритетов этого слоя и отсутствие частнособственнических традиций — транслировались, пожалуй, особенно отчетливо.

Сегодняшняя ситуация, определяющая положение среднего класса, развивается уже за водоразделом 90-х гг., который обозначил начало длительной и драматичной полосы "перехода" общества к новым социально-экономическим принципам его устройства. Разрушение и трансформация прежних социальных институтов маргинализировали положение многих групп общества, потерявших прежние устойчивые основы существования: доход, социальный престиж, перспективы, возможности планирования. Данные группы, которые в предыдущем исследовании мы определили как новые маргинальные³²⁵, испытывали острые проблемы в определении статуса. Эти проблемы — разрыв статусов, статусная рассогласованность — и лежат в основе сегодняшнего противоречивого положения среднего класса. Но центральным остается вопрос – что называть средним классом в сегодняшней России? Является ли он прямым преемником старых советских средних слоев? Или происходит конструирование чего-то нового, подгонка под западные образцы того, что пульсирует, живет по своим законам — маргинализованной массы, что называлась советскими средними слоями?

Здесь следует отметить, что в целом идея "средности", "серединности", "центризма", "среднего человека" — одна из наиболее популярных в противоречивых трансформационных процессах. Ценность ее в том, что в ней воплощена идея нормы в раздираемом крайностями обществе. И в этом контексте следует привести тот подход к пониманию среднего класса в российских условиях, который Ю. Левада обозначил как проблему "среднего человека"³²⁶. Согласно этому подходу, средний класс как таковой в российском обществе "невозможен" потому, что в нем нет структуры, формирующей целостность общества и, соответственно, сообщающей ему "динамическую устойчивость" благодаря объединению в одно целое "людей разных профессий, слоев и состояний". Но есть "середина" общества, которая сохраняется несмотря ни на что, как показывает динамика субъективно определяемого статуса — по данным исследований ВЦИОМ, на протяжении многих лет (1989-1997 гг.) и в различных условиях самоотнесение к средним статусным позициям остается практически неизменным (около 62 %). И, как отмечает Ю. Левада, по-прежнему "при всех социально-экономических пертурбациях... "середину" общества составляют прежде всего специалисты, работники, служащие, т.е. люди наемного труда"³²⁷.

В современной России по-особому видятся функции среднего класса, и прежде всего, главная — быть основой общественной стабильности. Так, согласно точке зрения, высказанной И.Е. Дискиным, эта функция превращается в функцию "оправдания" современного общества, признания его права на существование. В этом случае перед нами функция "виртуального класса"³²⁸, иными словами, социального конструкта, выстраивающего "распадающееся" общество, обеспечивающего его стабилизацию. Особую роль в трансформационном механизме российского общества отводит группам, составляющим средний класс, Т. Заславская³²⁹. По сути, это преобразование и адаптация социальных новаций, продуцируемых элитой.

³¹⁹ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.

³²⁰ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 2-е, перераб. Новосибирск, 2001. С. 59.

³²¹ Там же, с. 17, 31.

³²² См.: Нуреев Р. Теории развития: институциональные концепции становления рыночной экономики // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 128-130.

³²³ Городские средние слои в трех российских революциях. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1989. С. 8.

³²⁴ Шелохаев В. В. Средние слои в условиях трансформационных изменений в России: история и современность // Средний класс в современном российском обществе. Указ. раб. С. 68-69.

³²⁵ См.: Попова И.П. Маргинализация экономически активного населения: истоки и перспективы адаптации // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) / Под ред. проф. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2000.

³²⁶ Левада Ю. "Средний человек": фикция или реальность? // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2 (34).

³²⁷ Там же. С. 12.

³²⁸ Дискин И.Е. Средний класс как "мигрант" в консервативном российском обществе // Средний класс в современном российском обществе. С. 36-37.

³²⁹ См.: Заславская Т. Социальный механизм трансформации российского общества // Российское общество на социальном изломе: взгляд

Таким образом, средний класс в России видится, с одной стороны, агентом формирования новых отношений, институтов, норм, а с другой – основой "инертной средней массы", оставшейся в наследство от старых советских средних слоев.

И здесь следует выделить проблему очевидной *двойственности* среднего класса (или средних слоев). Часть исследователей улавливают ее и дают свои интерпретации. Так, В.А. Лепехин описывает "административный" (или административно-рыночный) средний класс, к которому относит постсоветских распорядителей, и новый средний класс, который составляют носители новых профессий, появившихся в рыночной экономике. А.Л. Андреев видит различия двух классов глубже, выделяя класс А и класс Б, которые не обязательно различны по своему персональному составу. В основе класса А лежит доход, благосостояние, в основе класса Б – "сложное сочетание факторов, характеристик, которые, по российским понятиям, создают некое "высшее качество жизни"³³⁰, — иными словами, последний воплощает основные черты духовного архетипа российской интеллигенции. Автор делает вывод о том, что "основной потенциал социальной самоорганизации, а, может быть, и национальной мобилизации, сосредоточен в "классе Б"³³¹, и говорить так позволяет насущная потребность возврата к традиционным ценностям российского общества.

Так или иначе, но мысль о двух средних классах представляется весьма плодотворной в институциональном анализе. Подобных примеров *существования традиционных и "анклавных" социально-экономических феноменов* в реальности трансформирующегося общества сегодня можно отметить немало. В данном случае наиболее общим уровнем мы определим выделение *старого* (советские средние слои) и *молодого* (протокласс западного образца) средних классов. Здесь подчеркнут важный момент – возрастной барьер³³², достаточно жестко разделяющий средние классы. Принципы и критерии их определения различны – "старый" средний класс определяется в основном по критерию "средности", "срединности" и представляет собой трансформацию характеристик советских средних слоев. К "молодому" в полной мере применимы каноны западных критериев – дохода, профессии, образования, стиля и качества жизни. Следует добавить, что такое разделение наиболее очевидно в крупных городах и мегаполисах, где сосредоточение финансовых ресурсов, диверсификация видов деятельности, политические "игры" и другие факторы создают соответствующие для него условия. Если рассматривать их в ключе упомянутой выше концепции институциональных матриц, то "старый" средний класс соответствует базовым институтам российского общества, а "молодой" — дополнительным (рыночным). Сосуществуя одновременно в своих системах координат, они движутся относительно независимо и альтернативно в пространстве рыночной экономики, одновременно адаптируясь к условиям жизни и друг к другу, корректируя и утверждая приемлемые принципы формирования институциональной среды.

6.2 Ресурсы российского среднего класса

Отвлекаясь от теоретико-методологических дискуссий о возможных способах и формах существования среднего класса в современном российском обществе, интересно хотя бы в общем очертить ресурсы формирования этого класса.

Прежде всего, следует признать одну вполне очевидную вещь – в обществе достаточно высокого уровня социальной однородности после разрушения прежних его основ доминирует массовое ощущение принадлежности к среднему классу (или средним слоям). Это подтверждают исследования: так, Ю. Левада отмечает, что, по данным исследований ВЦИОМ с 1989 по 1997 гг., распределение статусных позиций устойчиво – к средним позициям себя относят примерно 62 % респондентов³³³. Похожие данные получены исследователями РНИСиНП, Института философии РАН. Таким образом, самоидентификационная установка является самым устойчивым, очевидным и достаточно легко верифицируемым ресурсом российского среднего класса.

Таблица 6.1

Доля представителей среднего класса
в составе разных социальных групп населения России (в %)*

Социальные группы	По само- зачислению	По доходу
Квалифицированные рабочие	28,1	27,2
Техническая интеллигенция	5,9	13,8
Гуманитарная интеллигенция	5,5	8,4
Сфера торговли, услуг, транспорта	8,6	12,9
Служащие (госслужащие, банков и т.д.)	5,2	7,9
Предприниматели	12,5	15,8
Фермеры	28,1	7,0
Военнослужащие	6,1	7,0
Итого	100	100

*Данные опроса, проведенного РНИСиНП в январе 1999 г. См.: Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, РНИСиНП, 1999. С. 81.

Таблица 6.2

Распределение ресурсов и расходов по 10-процентным (децильным) группам населения в III квартале 1999 г.

изнутри. М., 1997; Заславская Т.И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 222-235.

³³⁰ Андреев А.Л. Средний класс в современном российском обществе. С. 44-45.

³³¹ Там же. С. 50.

³³² Как замечает Н. Покровский, "различные поколения в наши дни, в рамках одной исторической длительности относятся к различным эпохам, т.е. к различным типам рациональностей – в том числе и в области трудовых отношений" (Покровский Н.Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 30).

³³³ Левада Ю. Указ. раб. С. 7.

	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая	Восьмая	Девятая	Десятая
Располагаемые ресурсы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
из них:										
Валовой доход	97,2	97,9	97,7	97,4	97,5	96,5	98,0	96,6	96,1	94,4
в том числе:										
денежный доход	80,7	82,1	82,2	82,5	83,8	84,4	87,0	87,3	87,8	87,4
стоимость натуральных поступлений продуктов питания	14,5	14,0	13,7	12,9	11,9	10,6	9,7	8,3	7,2	5,8
стоимость предоставленных в натуральном выражении дотаций и льгот	2,0	1,8	1,8	2,0	1,8	1,5	1,3	1,0	1,1	1,2
Сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений	2,8	2,1	2,3	2,6	2,5	3,5	2,0	3,4	3,9	5,6
Расходы на конечное потребление	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
из них:										
стоимость питания	68,1	68,5	67,7	66,5	66,6	61,6	59,7	58,4	54,4	46,7
питание вне дома	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	1,7	1,2	1,3	1,7	1,7
Стоимость натуральных поступлений продуктов питания	16,1	15,5	15,2	14,4	13,2	12,0	11,3	9,7	8,5	7,3
в том числе:										
поступлений из личного подсобного хозяйства	11,7	11,9	11,7	11,1	10,4	9,5	9,0	7,6	6,7	5,6
полученных подарков и других поступлений	4,4	3,6	3,5	3,3	2,8	2,5	2,3	2,1	1,8	1,7
Расходы на покупку непродовольственных товаров	17,1	17,9	18,5	19,7	19,8	23,2	26,8	25,9	27,9	37,4
Расходы на покупку алкогольных напитков	0,6	0,8	1,0	1,2	1,5	1,7	1,9	1,6	1,8	2,4
Расходы на оплату услуг	12,0	10,8	10,8	10,4	10,1	11,8	10,1	12,8	14,7	12,1
в том числе на:										
жилищно-коммунальные услуги	6,9	5,8	5,5	5,0	4,4	4,0	3,7	3,1	4,5	2,7
бытовые услуги	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	2,1	1,3	1,5	1,6	2,1
услуги учреждений культуры	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
услуги в системе образования	0,3	0,4	0,5	0,6	0,6	1,2	1,0	3,90	3,6	1,2
медицинские услуги	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,5	0,4	0,4	0,5	0,7
санаторно-оздоровит. услуги	0,0	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3	0,4	0,3	1,1
услуги пассажирск. транспорта	2,8	2,5	2,6	2,5	2,5	2,4	2,2	2,3	2,8	2,9
услуги связи	1,0	1,0	0,9	0,9	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9	1,0
Стоимость предоставленных в натуральном выражении дотаций и льгот	2,2	2,0	2,0	2,2	2,0	1,7	1,5	1,3	1,2	1,4

Источник: Статистический бюллетень. № 1 (64) январь 2000 г. М.: Госкомстат, 2000. С. 26.

Но, сталкиваясь с вопросом о том, как отнестись к этому российскому феномену "средности", исследователям каждый раз приходится пытаться понять, что же они стараются вычлени из него. Признать ли его как факт, или стремиться подогнать под западные образцы специфический конгломерат постсоветских средних слоев? И что получить в итоге – *конструирование* или формирование, *самоорганизацию* чего-то нового из старого материала?

Т. Заславская и Р. Громова делают вывод, что основные факторы формирования среднего класса включают в себя определенные социальные качества (образование, квалификацию и деятельностный потенциал, уровень благосостояния, ценностных ориентаций, потребностей, жизненных позиций, мотивов, норм и способов поведения и т.д.) и институциональные – экономические, политические и социальные условия их жизнедеятельности³³⁴. Рассмотрим наиболее общие характеристики социальных качеств, определяющих ресурсы среднего класса.

Чаще всего исследователи выделяют три измерения, характеризующих позиции среднего класса: доход, образование и самоидентификацию. Однако соотношение этих характеристик носит весьма противоречивый характер. Данные таблицы 6.1 демонстрируют определенное расхождение в самооценках своего статуса и уровне доходов многих "средних" по положению в обществе групп.

Доход — наиболее трудноуловимая и зыбкая характеристика. В 1999 году отношение среднемесячной заработной платы и выплат социального характера к величине прожиточного минимума трудоспособного населения было самым низким за предыдущие годы и составило 162 %, а среднемесячная зарплата составляла 64 доллара США (ниже по этому показателю зарплата была только в 1992 и 1993 гг.). По прогнозам Госкомстата, доходы населения в ближайшее время останутся низкими даже на фоне определенного экономического роста. В то же время нужно принимать во внимание, что официальной статистикой не учитываются многие виды дополнительной, "теневой" занятости, приносящей порой основной доход. Кроме того, доходы населения неустойчивы.

Обостряется проблема неравенства во владении материальными ресурсами. В первой децильной группе населения сосредоточены 26 % среднедушевых располагаемых ресурсов, в то время как в последней их 2,7 %. Формируются различные типы поведения домохозяйств в области доходов и расходов, что можно увидеть в таблице 6.2. Анализ статистических данных по домохозяйствам показывает, что структура доходов и потребления имеет выраженную специфику в последней децильной (по уровню располагаемых ресурсов) группе. Прослеживаются объединяющие признаки для нижерасположенных 7-9 групп, что может служить косвенным свидетельством формирования характеристик среднего класса.

Таблица 6.3

³³⁴ Заславская Т., Громова Р. Указ. раб. С. 15.

**Распределение численности населения, занятого в экономике,
по уровню образования (в %)**

	Всего	Высшее профессиональное	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Среднее (полное) общее	Неполное общее	Не имеют общего
<i>По статусу (1998 г.)</i>							
Занятое население							
Всего	100	20,7	1,9	33,4	32,7	9,3	1,9
Работающие по найму	100	20,7	1,9	33,4	32,6	9,4	2,0
Работающие не по найму	100	22,4	2,6	33,8	33,3	7,0	0,8
Из них работодатели	100	41,2	3,6	34,0	18,4	2,5	0,3
<i>По годам</i>							
1994	100	18,0	1,7	32,6	32,8	12,8	2,0
1995	100	18,4	1,5	33,3	33,9	11,9	1,7
1996	100	18,8	1,7	33,3	33,3	11,4	1,6
1997	100	20,1	1,8	32,6	32,8	10,3	2,3
1998	100	20,7	1,9	33,4	32,7	9,3	1,9

Составлено по: Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М., 1999. С. 69, 70.

Образование — более стабильный и хорошо измеряемый ресурс среднего класса. Около трети работающих имеют высшее образование, и их доля в структуре занятого населения растет (см. табл. 6.3). В то же время одной из проблем становится невостребованность и несоответствие полученного раньше образования ситуации на рынке труда, нерациональность его использования в этой ситуации (например, уход специалистов в мелкую коммерческую деятельность), а также трудности реальной переквалификации для большинства населения. Тем не менее образование остается одним из наиболее высокоэффективных адаптационных ресурсов³³⁵. В специальных исследованиях, отмечающих значительную степень рассогласованности по характеристикам сбалансированности образования и дохода, выявляется и определенное соответствие между высшим образованием и высоким уровнем дохода, что может способствовать формированию среднего класса³³⁶. В последние годы отмечается бум спроса на высшее образование³³⁷, активные и успешные стратегии адаптации населения все чаще характеризует включение различных видов дополнительного профессионального образования, приобретения навыков.

К числу ресурсов среднего класса следует отнести *малое предпринимательство* – этот слой относится к традиционному или старому среднему классу западных обществ. Но в российских условиях его малочисленность, отсутствие реальной государственной поддержки и, следовательно, стабильности и устойчивости существования (свидетельство чему – весьма ощутимый удар августа 1998 г.) не позволяют отвести ему центральную роль в процессе формирования среднего класса в России.

По данным госстатистики, среднесписочная численность занятых на малых предприятиях во второй половине 1990-х гг. составляла около 10% всех занятых в экономике (см. табл. 6.4).

Таблица 6.4

**Занятость на малых предприятиях
(1993-2000 гг.)**

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Среднесписочная численность, млн. чел.	6,8*	8,5	8,9*	6,3	6,5	6,2	6,5	6,6
% от общей занятости (по БТР – балансу трудовых ресурсов)	9,6	12,4	13,4	9,5	9,9	9,6	10,0	10,2

* Разрыв в серии вследствие изменений в определении.

Источник: данные Госкомстата России; публикуется по: Обзор занятости в России. Выпуск 1 (1991-2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. С. 63.

Тем не менее, численность постоянно занятых на малых предприятиях не росла, что объясняется в том числе и параллельным существованием неформального сектора. Можно согласиться, что "...солидаризуясь с признанием необходимости экономической и правовой поддержки малого бизнеса,... вряд ли именно здесь следует искать пути формирования масштабного среднего класса"³³⁸.

³³⁵ См.: Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5.

³³⁶ Саблина С. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Указ. раб. С. 109.

³³⁷ См., напр.: Гимпельсон В.Е. Экономическая активность населения России в 1990-е годы. Препринт. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

³³⁸ Космарская Т. Средний класс и социальная политика // *Вопросы экономики*. 1998. № 7. С. 89.

Итак, рассмотренные критерии нельзя считать устойчивыми и четкими ориентирами в определении контуров и перспектив среднего класса. В то же время они очерчивают определенную конфигурацию институциональных ресурсов.

Если попытаться наложить западную схему на современные российские условия и соотнести "классические" характеристики среднего класса с возможным отечественным аналогом, наглядными становятся особенности процесса формирования среднего класса (см. табл. 6.5).

Таблица 6.5

Средние классы российского и западного обществ: сравнительный анализ основных характеристик по базовым критериям

Критерии	Характеристики в западных обществах	Характеристики в России	Тенденции в поведенческих стратегиях
1. Доход и собственность	Стабильный, достаточно высокий; наличие собственности и соответствующей правовой системы	Нестабильный, в целом низкий, часто "теневой"; отсутствие традиций и стабильности в функционировании и защите прав собственности	"Теневая" занятость, коммерческая деятельность, дополнительная работа по профессии; поиск "неформальных" путей защиты прав собственности
2. Образование и профессия	Высокий, соответствующий принятым в обществе стандартам уровень образования, обеспечивающий карьеру в рамках соответствующей профессии	Высокий уровень и качество, часто вступающие в противоречие с новыми требованиями и стандартами, нестабильность в продолжении карьеры, отсутствие гарантий на рынке труда	Переквалификация или приспособление, в основе которых зачастую нерациональное использование уровня знаний, снижение квалификации и работа в другой области деятельности
3. Стиль и качество жизни	Соответствуют нормам и стандартам развитых обществ	Не подкреплены традициями, нормами, материальным благосостоянием	Имитация стиля жизни за счет привлечения "неформальных" источников

Таким образом, диалектика институциональных и структурных факторов формирует тенденции поведения групп, составляющих потенциал среднего класса. Его аберрантные характеристики, нормативные отклонения³³⁹, в основе которых весьма распространенное нарушение формальных норм, носящих, как отмечают Т.И. Заславская и М.А. Шабанова, нелегитимный, неправовой характер и воспринимающихся в массовом сознании как обоснованные и справедливые³⁴⁰, ведут, в свою очередь, к "выравниванию" ненормальной ситуации, в которой оказываются различные социально-профессиональные группы. Ниже рассмотрим общие характеристики, помогающие оценить их потенциал в формировании среднего класса.

6.3 Некоторые характеристики социальных стратегий социально-профессиональных групп "потенциального среднего класса"

Один из общих выводов – основным ресурсом среднего класса становятся наиболее динамичные представители разных групп интеллигенции, активно реализующих новые возможности. В их составе можно выделить интеллигенцию в обычном, советском понимании (инженеры, врачи, учителя); управленцев, госчиновников; предпринимателей, самозанятых; профессионалов в западном понимании, представителей новых профессий.

Достаточно подробно мировоззренческие, поведенческие и иные характеристики российского среднего класса были представлены в уже упомянутом исследовании среднего класса³⁴¹. Опираясь на полученную исследователями базу данных, рассмотрим некоторые характеристики среднего класса, представляющие интерес в рамках нашего исследования³⁴².

Оставив в стороне попытки предъявить собственную модель среднего класса и признавая условность подобных моделей в современной социальной ситуации, мы попытались выделить из общей выборки исследования, которая была целевой³⁴³, социальную группу, обозначенную нами как *потенциальный средний класс (ПСК)*. Основой выделения было сочетание двух критериев – отнесение себя к средним рангам по 10-балльной шкале положения в обществе (4-6) и средний уровень дохода – от 1,5 тыс. до 3 тыс. руб. на человека в домохозяйстве (напомним, что это был 1999 год). В итоге получилась совокупность из 505 человек, составляющая около 30% выборки РНИСиНП. Смысл данного конструкта в том, что в нем наиболее тесно связаны два основных "работающих" критерия среднего класса, и, следовательно, ярче

³³⁹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 314.

³⁴⁰ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6.

³⁴¹ См.: Средний класс в современном российском обществе. Указ. раб. См. также: Тихонова Н.Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 13-23; Петухов В.В. Политические ценности и поведение среднего класса. Там же. С. 23-33; Обьеденнова Т.Б. Средний класс и его работа. Там же. С. 33-42; Бызов Л.Г. Уровень потребления и имущественные характеристики среднего класса. Там же. С. 42-50.

³⁴² Автор выражает благодарность директору Независимого института социальных и национальных проблем, д.с.н., проф. М.К. Горшкову за предоставленную возможность использовать базу данных, полученных в результате исследования российского среднего класса в 1999 г.

³⁴³ Подробнее о характеристике выборки см.: Средний класс в современном российском обществе. С. 80-81.

проявляются характерные для него тенденции, которые можно назвать специфическими для российских условий. Следует подчеркнуть, что нас интересуют только общие характеристики и тенденции социальных ресурсов среднего класса.

Социальный статус. Что лежит в основе сегодняшних представлений о положении в "середине общества"? Ответы респондентов четко демонстрируют их материальный характер. Средние оценки своего статуса по 10-балльной ранговой шкале опрошенные дали, опираясь в основном на оценку уровня материальной обеспеченности и образа жизни. Это наиболее значимые показатели (79 и 55% положительных ответов). Менее значимы в самооценке положения в обществе (в порядке убывания) – степень престижности профессии (22%), уровень образования (19%), уважение окружающих (15%) и даже должность на работе (14%). Меньше всего учитываются такие показатели, как уровень квалификации и наличие связей и знакомств.

Ретроспективный взгляд на материальное положение семей в обществе дает представление об изменениях материального положения у различных социoproфессиональных групп. В целом 38% представителей ПСК считают, что их материальное положение было лучше, чем у окружающих, – чаще всего это отмечали работники сферы обслуживания и военные. Более половины в остальных группах чувствовали, что их материальное положение примерно такое же, как у окружающих. Чаще всего такое ощущение было у рабочих, служащих, менеджеров, предпринимателей. Среди 6 % оценивавших свое положение хуже, чем у окружающих, были, как правило, служащие, работники сферы обслуживания, гуманитарная интеллигенция.

Сегодня эти ощущения изменились в разных группах по-разному. Несколько более половины представителей ПСК считают, что их положение лучше, чем у их окружения. В основном это менеджеры, фермеры, предприниматели. Примерно так же оценивают его 42% респондентов, чаще всего это военные, рабочие, техническая и гуманитарная интеллигенция, чуть реже – менеджеры, работники сферы обслуживания, служащие. Хуже, чем окружающие, ощущают свое положение гуманитарная и техническая интеллигенция, военные, рабочие. В отношении перспектив своего материального положения соотношение оценок перераспределяется в негативную сторону: около половины считают, что оно будет таким же, как у тех, кто рядом, 34% — что оно будет лучше, и 6,5 – хуже. В целом это несколько пессимистичная картина. Оценивают перспективы как худшие по сравнению с окружающими техническая интеллигенция, гуманитарная интеллигенция, военные, работники обслуживания, рабочие. В том, что положение останется таким же, чаще уверены представители гуманитарной интеллигенции, военные, менеджеры, рабочие, работники сервиса. Особенно оптимистичны предприниматели, служащие, работники сервиса – чаще всего они считали, что положение изменится в лучшую сторону.

В отношении удовлетворенности своим положением в обществе положительные оценки дали 52,6% ПСК, отрицательные – около 40%. В этих оценках позитивный настрой преобладает у людей среднего возраста (59%) и представителей гуманитарной интеллигенции (51 %), негативные оценки чаще встречаются у рабочих и работников сферы обслуживания. Вероятно, в основании удовлетворения положением лежит нечто большее, чем материальное положение, – социальные перспективы.

Профессия. В составе ПСК самой многочисленной группой оказалась группа рабочих высокой квалификации (24%), достаточно представительны по удельному весу группы предпринимателей (13%), служащих (13%), работников сферы обслуживания (куда включены работники торговли, транспорта, сферы услуг – 13%), менее чем по 10% составляют группы технической и гуманитарной интеллигенции, менеджеров, и самые малочисленные – группы военных и фермеров. Велики группы специалистов с высшим образованием, руководителей среднего звена, офицеров (более трети ПСК) и квалифицированных рабочих (около одной четвертой). Незначителен процент занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью и лиц свободной профессии (6%), имеют бизнес, где работают только члены его семьи, 3%, и являются предпринимателями, имеющими на своем предприятии наемных работников, 8%.

В целом среди ПСК преобладает приверженность своей профессии. Только одна десятая здесь сменила профессию и прошла переобучение за годы перемены: в основном это произошло в группах служащих, работников сферы обслуживания (торговли, транспорта, сферы услуг); гуманитарной интеллигенции, предпринимателей. Общая тенденция предполагает низкую потенциальную профессиональную мобильность (43,6% — против смены профессии, 27% признают такую возможность). Эта тенденция с очень разной степенью проявляется во всех категориях, кроме работников сферы обслуживания, которые особенно "открыты" возможностям смены профессии. Около одной трети настроенных таким образом среди технической интеллигенции. Военные демонстрируют противоречивость позиций – среди них почти поровну и тех, кто за смену профессии, переобучение, и тех, кто против. Но и чаще, чем работники сферы обслуживания, они проявляют сомнение, не знают, не думали о смене профессии. Предприниматели – средняя по потенциальной мобильности группа. Они также реже думают сменить профессию.

Особый консерватизм проявила гуманитарная интеллигенция. Ее представители наиболее четко определили свои позиции в этом вопросе. В этой группе более всего не хотят менять работу (около 70%) и реже сомневаются в своем выборе. Близки к ним в этом отношении менеджеры, хотя они менее уверены в этом выборе. Меньше всего думают на эту тему рабочие и предприниматели.

Нельзя сказать, что ПСК проявляет большую готовность и к территориальной мобильности. Чуть больше четверти опрошенных заявили о возможности смены места жительства ради подходящей работы. Наиболее легки на подъем военные, рабочие, предприниматели. Наиболее консервативна в отношении смены места жительства гуманитарная интеллигенция.

В целом наибольшую потенциальную и профессиональную мобильность проявила самая молодая возрастная группа ПСК (до 30 лет). Здесь более чем в два раза чаще, чем во взрослой возрастной группе (30-50-летних), готовы к смене места жительства.

Социальные ценности. Ориентации в отношении самого общего характера социального устройства распределились в ПСК следующим образом: большинство (40%) высказалось за выбор для себя общества социального равенства, треть – затруднилась с ответом, и около 27% выбрали бы жизнь в обществе индивидуальной свободы. Выраженную позицию выбора общества индивидуальной свободы проявили лишь в группе гуманитарной интеллигенции (40%). Общество социальной справедливости чаще выбирали военные, работники сферы обслуживания, рабочие. Интересна позиция предпринимателей в ПСК – при небольшом перевесе сторонников общества социальной справедливости здесь особенно много затруднившихся дать ответ на этот вопрос.

Отмечая приемлемые для России черты социального устройства, в ПСК таким образом отметили свое отношение к высказыванию: "Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство". Распределение ответов было близким (примерно по одной трети), но не согласных было несколько больше и свыше трети – тех, кто затруднился — согласиться или не согласиться с этим. Итак, здесь проявляется точка пересечения противоречий в позициях ПСК по отношению к провозглашаемым образцам общественного устройства западного типа и российским традиционным социальным установкам³⁴⁴.

В то же время в характеристике своей идейно-политической приверженности большая часть (больше трети ПСК) объявила, что не является сторонником никаких идейно-политических течений, а четверть высказалась за центризм (сочетание различных идей и избегание крайностей). Центристами чаще всего себя считают представители интеллигенции (и гуманитарной, и технической) и военные. А идейно-политический нигилизм демонстрируют работники сферы обслуживания, предприниматели и менеджеры. Сторонников радикальных рыночных реформ немного – 10 %, чаще всего это служащие, предприниматели, работники сферы обслуживания, менеджеры. Среди сторонников коммунистической идеологии больше всего военных, технической интеллигенции, работников сферы обслуживания, а среди приверженцев социалистической (социал-демократической) – менеджеров. Русское национальное возрождение чаще всего поддерживают рабочие и гуманитарная интеллигенция. Наиболее же популярным типом общественного устройства большинство респондентов (около трети) признают президентскую республику (как в США, где существует равновесие властных структур).

Нормы. Вопрос о наиболее приемлемых нормах, определяющих основные жизненные установки среди ПСК, достаточно сложен. Отметим только некоторые наблюдения по поводу установок в отношении соблюдения законов и норм: заметно явное затруднение в вопросе о том, как надо исполнять законы в реальной жизни. В целом менее трети согласны с тем, что закон нужно строго соблюдать, даже если он устарел и не соответствует сегодняшним реальностям (эта доля немного меньше тех, кто не согласен с таким утверждением). Такая же картина и в отношении высказывания "не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо". При этом подавляющее большинство (около 80%) с готовностью признает для себя, что соблюдение законов возможно, если это делают и сами представители органов власти. Следует отметить и достаточно высокий уровень собственных моральных критериев и норм. Около двух третей согласились, что лучше не достичь материального благополучия и не сделать карьеру, но никогда не перешагнуть через свою совесть и моральные нормы. Но переступить через некоторые нормы морали в современном жестоком мире выразили готовность (по крайней мере, внутреннюю) 39 % ПСК. Интересно также, что большинство (около 80 %) согласно, что можно иметь любые доходы независимо от того, как они получены, и только 15% убеждены, что человек должен иметь те доходы, которые заработал честным путем. Трудно сказать, свидетельствует ли такой разрыв между провозглашаемыми (и, вероятно, ощущаемыми) внутренними моральными установками и внешне принимаемыми практиками об особенностях восприятия реальности, трансформационными условиями, или последние – в определенной степени следствие этого разрыва.

6.4 Креативно-нормативный потенциал и перспективы среднего класса в России

Роль субъективных, личностных факторов в формировании новой социальной структуры замечена исследователями социальных процессов и не является новостью³⁴⁵. Это очевидная закономерность "переходных обществ". "Динамическая личность", разбивающая "кристалл обычая" по Тойнби³⁴⁶, инновационная (новаторская) личность по Хагену³⁴⁷ описаны именно для таких эпох, когда внешние трудности служат толчком к социальному творчеству. Люди, в силу внешних обстоятельств и личностных качеств, сами определяют в изменившихся условиях свою позицию, статус, ищут ресурсы, и в конечном итоге, адаптируя к изменившейся реальности старые правила игры, создают предпосылки для новых норм. Это происходит во многих группах населения, относимых к среднему классу, в которых особенно неустойчив баланс социальной мобильности (имея в виду все ее направления) и смещения статусных позиций.

В контексте этих рассуждений представляется возможным сформулировать парадоксальную гипотезу о том, что основной функцией среднего класса в современной России стала творческая – творить самого себя, преобразовывая некоторые социальные нормы или, напротив, формируя способы для сохранения и утверждения "несмотря ни на что" прежних норм и, в конечном итоге воздействуя на процесс формирования институциональной среды наиболее социально-оптимальным (в силу сохранения достаточно высокой планки понимания сути своей профессии) образом.

Для ее обоснования обратимся к анализу поведения субъектов на микроуровне, выбрав в качестве объекта социопрофессиональную группу ученых, а в качестве методологии – качественную стратегию. Данная группа — традиционна для состава среднего класса. В западных обществах ей принадлежат высшие позиции в иерархии среднего класса. В российском положении этой группы весьма драматично. Оно определяется ситуацией глубокого разрыва между низким и нестабильным уровнем дохода и высоким уровнем образования, лежащим в основе ситуации статусной рассогласованности, типичной для многих потенциальных групп российского среднего класса.

Эта ситуация дополняется порожденным противоречивым состоянием российской науки, падением престижа статуса ученого. Она становится основанием для отнесения ученых к группе новых, или работающих бедных³⁴⁸. Как следствие происходит хорошо известное сегодня бегство из науки (в бизнес, маркетинг и т.п.) или бегство науки, особенно "молодой", за рубеж, именуемое "утечкой мозгов". Однако академические научные коллективы продолжают существовать,

³⁴⁴ О перспективах и противоречиях процессов принятия западного и российского образцов свободы см.: Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.

³⁴⁵ См. напр.: Тихонова Н.Е. Роль личностных факторов в попадании в состав среднего класса // Обновление России: трудный поиск решений. С. 137-152.

³⁴⁶ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 260-261.

³⁴⁷ См.: Штомпка П. Указ. раб. С. 301.

³⁴⁸ См.: Петрова Л.Е. Жизненные стратегии "новых бедных" ученых // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микрорекономический анализ) / Под ред. проф. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2000.

базируясь в основном на энтузиазме ученых, подкрепляемом грантовой системой финансирования отдельных проектов и различного рода подработками.

Таким образом, в положении этой социально-профессиональной группы концентрируется суть противоречий положения среднего класса в современном российском обществе, заключающаяся в фактической институционализации на уровне государственной политики маргинализованного статуса его представителей. Здесь также переплетаются социальные траектории сосуществования "старого" и "молодого" средних классов, и возникающий конфликт старых и формирующихся норм, ценностей и образцов поведения составляет суть маргинальной ситуации, преодоление которой осуществляется в различных стратегиях.

Кратко суть рассматриваемой проблемы можно охарактеризовать следующим образом. Бесперспективность деятельности многих научных центров, отрыв среднего уровня академических зарплат даже от уровня прожиточного минимума, фактически официально сдвигающий ученых в разряд депривированных групп населения на рынке труда (по разным причинам, которые здесь не рассматриваются), вступают в противоречие с объективно высоким социальным статусом. В исследовании нормативно-креативного потенциала ученых представляют интерес стратегии, направленные на выработку моделей и механизмов сохранения своего социально-профессионального статуса, уровня социального престижа.

Каким образом это происходит – проследим на данных исследования стратегий поведения различных групп на рынке труда³⁴⁹, используя методологию качественного анализа полуструктурированных интервью (в выборку попало 35 сотрудников двух институтов Российской академии наук естественно-научного профиля в Москве, среди респондентов 18 мужчин, 17 женщин; 18 человек моложе 40 лет, 17 – старше, с примерно одинаковым распределением по полу в обеих возрастных группах).

Давая характеристики институциональной среды, в которой существует российская наука, респонденты не жалеют темных красок и негативных метафор. В таком состоянии дел чаще обвиняется государство, в частности, институты управления наукой (*"... вот там стоит этот самый, президиум, который имеет статус ... госслужащих в ранге министерства. Зарплата 8 тысяч, если считать уборщиц. Какое им дело до этого быдла, которое в институтах..."*; *"Есть такой фонд РФФИ — правила меняются каждый год"*). Респонденты указывают на неопределенность ситуации, бесперспективность (*"Все совершеннодохло у нас..."*, руководитель). Соответственно, негативно характеризуются и удовлетворенность положением дел, и собственные перспективы. Тем не менее люди остаются работать, и приток молодых в науку достаточно интенсивен. В исследуемом институте за годы упадка произошла "кристаллизация", достаточно четко расставившая людей по определенным местам. Одни ушли в другие сферы деятельности, чаще всего в бизнес, коммерцию, продолжая числиться в НИИ. Но выделилась часть активно работающих в науке людей. По подсчетам одного из руководителей подразделений института: *"приблизительно 20-30 процентов популяции научных сотрудников... активно участвуют в грантах... Остальные находятся ... в таком покоящемся, спящем состоянии — работают, но не очень активно..."*. Главный фактор такого разделения – интерес, потребность в научной работе, иными словами, отмечаемый многими исследователями личностный фактор. *"Есть люди, которые хотят работать – они ищут какие-то пути, способы решить проблемы, и у тех людей есть какие-то явные перспективы, а есть люди, которые выдохлись, они живут тем, что есть. Сейчас все зависит от человека, личности, как он работает, что он хочет, чего он может добиться, какие цели перед собой ставит"* (сотрудница отдела аспирантуры).

Анализ интервью четко подтверждает эти наблюдения. Он позволяет увидеть, как процессы адаптации постепенно изменяют среду, отношения, распределение ролей, приводя к формированию новых норм. Суть этого процесса в следующем. Существует официальная структура занятости в сфере науки, с устоявшейся иерархией отношений, карьерного продвижения, системы материального вознаграждения, поощрения и т.д. Но одновременно с этим работники РАН участвуют в другой системе занятости, которую можно назвать "теневой". Она и дает возможность существовать – выживать или обеспечивать вполне достойный уровень жизни. При ближайшем рассмотрении можно выделить два основных типа поведения ученых в отношении сохранения своего статуса по степени воздействия на институциональном уровне.

"Интенсивный" тип – формирование новых норм и отношений в науке. Здесь можно выделить различные виды деятельности, направленные преимущественно на разработку научного направления или на зарабатывание денег для науки. Ведущими в этом процессе становятся отдельные индивиды, и важны не только характер, личностные свойства, но и сформированные в процессе прежней деятельности убеждения, установки. Это можно проследить на примере одной из лабораторий, считающейся, по признанию молодой сотрудницы, "элитной". Вместе с изменением условий здесь произошла смена стиля управления, отражающая смену стиля самого существования науки. Бывший заведующий лабораторией передал бразды правления своему более молодому коллеге, потому что *"... почувствовал, что нужно в современных условиях искать какие-то новые подходы, которые мне... или не знакомы, или неприятны... Раньше мы были зависимы, так сказать, только от государства. Это что-то такое великое, благородное. Мы понимали, что мы государевы люди. А сейчас мы просим гранты во множестве источников, каждый раз стелемся... Как на базаре мы продаемся"*. Теперешний руководитель лаборатории принял новые правила игры: *"Сейчас очень нелегко. Куча отрицательных моментов, которые неприятны. Но приходится принимать их. Один из таких тяжелых моментов научной жизни, впрочем, как и в других областях деятельности в нашей стране, — это то, что произошла резкая смена правил игры. С патерналистического подхода — стабильные ставки и прочее, то что называлось у нас уверенностью в завтрашнем дне, — мы перешли в режим, несколько похожий на западный, но, как всегда, и в этом смысле мы отличаемся, на худший западный стиль... Ты получаешь этот грант, но ты не знаешь, какие это деньги, на сколько лет..."*. В результате создан вполне успешно действующий механизм того, что респондент определил как научный менеджмент, благодаря которому деятельность лаборатории развивает определенное научное направление и в то же время обеспечивает вполне приемлемый уровень оплаты труда сотрудников. Другой вариант в рамках этой же модели описывает заместитель директора института и по совместительству руководитель инновационной фирмы: *"Эта фирма занимается и научной деятельностью... Но в нашей стране высокие технологии и деньги – вещи разные. Мы продолжаем вкладывать деньги в высокие технологии, а деньги фирма зарабатывает в основном коммерческой деятельностью, но вполне пристойной. Мы оптовые поставщики и представители нескольких солидных иностранных фирм"*. В конечном итоге благодаря деятельности такого типа образуется достаточно высокий (по крайней

³⁴⁹ Исследование по теме "Гендерная специфика поведения на рынке труда" –руковод. С. Ашвин, С. Ярошенко, грант INTAS 97-20280.

мере, устраивающий и сотрудников, и самих "научных менеджеров") уровень оплаты труда, который компенсирует потерю социального престижа группы ученых в целом в обществе по этому показателю, по крайней мере, "вытягивает планку" материального благосостояния до среднего, приемлемого уровня.

К этому типу поведения можно отнести сочетание научными работниками видов деятельности (подработок, вторых мест работы, грантов и т.д.), подчиненных не просто поддержанию определенного материального уровня, но формирующих активную научную деятельность. Именно деятельность, основанная на научном интересе, остается главным мотивом и занимает центральное место. Результаты исследования Института естествознания и техники РАН позволяют предполагать, что эта группа достаточно велика: по этим данным, половина опрошенных научных сотрудников не хочет иметь заработков вне науки, поскольку не считает возможным отвлекаться от основного дела. В целом же структура подработок в сфере науки по данным этого опроса такова:

Таблица 6.6³⁵⁰

Структура дополнительных заработков ученых в сфере науки
в 1994-1998 гг., %

Дополнительные заработки в сфере науки	1994	1996	1998
По российским грантам, программам	31	60	58
По зарубежным грантам, программам	16	46	50
По хоздоговорам, ВТК и т.п.	24	14	21
По совместительству в других научных организациях	13	14	10
За преподавательскую работу	8	10	17
Отсутствие всякой дополнительной работы	30	11	12

* Суммы в столбцах могут быть более 100 %, так как некоторые респонденты называли несколько видов работы.

Таким образом, в рамках данного типа формируется "изнутри" новая модель научной деятельности, опирающаяся в основном на то, что можно назвать новым институтом **научного менеджмента**. Характерным для нее являются попытки разработки новых научных направлений, сочетающих фундаментальную и прикладную стороны науки с обеспечением достаточно высоких заработков.

"Экстенсивный" тип – ориентация в основном на поддержание приемлемого уровня жизни при возможности работать в науке с помощью тех или иных видов заработков. Это – преимущественная опора на ресурсы домохозяйства (супругов, родственников), социальный обмен на основе самоорганизации взаимопомощи, сдача квартиры внаем и т.д. Это краткосрочные поездки за границу. Наконец, это подработки, не лежащие в русле основной деятельности, – наиболее разрушающий и опасный тип занятости. Человек вынужден распределять себя в двух совершенно различных, никак не стыкующихся областях деятельности, не достигая в конечном счете успеха ни в одной из них. Создается сложнейшая, фрустрирующая ситуация неопределенности социального статуса и его перспектив ("Мне бы не хотелось уходить из науки, так как попадаешь в другую среду... Это — понижение социального статуса. Поэтому я тружусь между этими двумя профессиями..." — руководитель лаборатории). Нельзя не видеть противоречивости этого положения, объективной бесперспективности затрачиваемых ресурсов и усилий. Несмотря на более высокие заработки, люди до конца пытаются удержаться в главной сфере своей деятельности ("Я скорее от этого от всего уже устала, и хочется какой-нибудь такой простой научной работы... того, что дорого сердцу, все ж таки").

Отдельно следует рассматривать модель поведения в сохранении статуса ученого, формируемую в основном молодыми респондентами, – это четкая ориентация на работу за рубежом, другими словами, на иную, "нормальную" в отношении науки институциональную среду. ("Здесь нет перспектив. И в финансовом отношении, и в отношении содержания работы. Единственная перспектива — уехать за границу" — сотрудник института, 29 лет.) Противоречие между выбором в пользу науки как профессии и отсутствием перспектив разрешается молодыми учеными через довольно хорошо отлаженный механизм – поиск работы за границей, иначе говоря, "утечку мозгов". Трудовой путь выстраивается следующим образом (как это описал один из молодых сотрудников, уехавший вскоре за границу): учеба в вузе, работа в академическом институте, защита кандидатской диссертации и далее поиск работы в других странах, который ведется в основном через знакомых и через Интернет.

Решение об отъезде и работе за границей, как показывают материалы интервью, часто дается нелегко, через сомнения, компромиссы. На него влияют многие обстоятельства – помимо установок на приемлемый уровень жизни и условия работы, это может быть пример знакомых и наличие связей в местах предполагаемой работы. Важно и осознание "быстротечности" основного ресурса, помогающего в поисках места за рубежом – молодого возраста (до 30-35 лет). Кстати, отсутствие этого ресурса – реальный барьер для многих активных ученых "за 40", который они констатируют с определенной долей сожаления, или, может быть, самооправдания в том, что они остались "бороться" за свое место под солнцем здесь. В любом случае, работа за границей рассматривается как реальный шанс профессионального роста ("общая тенденция такова, что найти хорошую работу за границей намного проще, чем найти хорошую работу здесь" — сотрудник института, 33 года).

Тем не менее на поиск места за границей нацелены не все молодые ученые. Останавливает осознание трудностей адаптации, понимание того, что российских ученых рассматривают как дешевую рабочую силу при достаточно высоком качестве подготовки. ("Наше качество образования существенно выше..." — сотрудник института, 33 года. "Я была за границей, работала. Мне там не нравится. Там обращаются с нами, как с дешевой рабочей силой. Меня это совершенно не устраивает" — сотрудница института, 31 год.) Такое положение дел можно рассматривать как еще один институционализированный барьер на пути завоевания статуса в ситуации российской науки. В нашей выборке о четкой ориентации на работу только на родине, для родины говорили в основном "молодые провинциалы". Впрочем, для них

столица – слишком сложный и важный уровень профессиональной карьеры, объективно останавливающий их "продвижение на запад", которое, в общем, не отвергается.

Итак, описанный выше путь — наименее продуктивный путь существования в науке. Скорее он направлен на сохранение статус-кво в ней и, в конечном итоге, объективно ведет к деградации и этой сферы, и работников, поскольку не способствует выработке новых, более приемлемых способов существования данной социoproфессиональной группы. Иными словами, создает ситуацию, в которой противоречие между основными нормами и ценностями этой группы и существующими условиями не находит своего оптимального разрешения.

Как различаются между собой эти типы и что определяет выбор какого-либо из них? В конечном итоге, чем отличаются люди, отнесенные к тому или иному типу поведения? По данным интервью трудно сделать однозначные выводы о том, какие критерии являются решающими, какие нормы лежат в их основе: подлинного научного интереса или ценностей профессионализма, творчества или рутины и т.д. Те или иные варианты следования этим нормам в различных пропорциях встречаются в обоих типах поведения. Но в факте того, что он выбран, реже играют роль внешние условия, чаще – личностные качества. Иными словами, тип личности, создающий новые институциональные основания позитивных структурных изменений. (*"Это все за счет энергии – моей личной энергии. Если я это оставлю месяца на три, на пять – все развалится. Нет команды, людей, которые могли бы меня замещать"* — руководитель подразделения института.)

Приведенные результаты исследования – иллюстрация путей и способов адаптации различных групп, наполняющих традиционный средний класс, в российских условиях, общая характеристика поведенческих стратегий, которые могут стать, ввиду своей распространенности, базой для генезиса норм, ценностей, институтов новой институциональной среды³⁵¹. Мы показали наиболее общие тенденции их формирования на микроуровне.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что проблема создания среднего класса в российском обществе имеет две стороны. Одна из них связана с переструктурированием маргинализованной "средней массы" населения, являющейся потенциалом формирования среднего класса. Другая – с созданием оптимальной институциональной среды: приведением в соответствие друг с другом формальных и неформальных норм, правил, выстраиванием социально приемлемой иерархии ценностей, образующих основу норм и т.д. Следует акцентировать и важность определения "направлений" формирования институциональной среды, диалектики и динамики базовых и дополнительных институтов. Очевидно, что эта сторона является доминирующей в решении указанной проблемы.

Итак, вопрос о перспективах среднего класса остается, главным образом, вопросом о создании условий стабильного и динамичного развития для подавляющего большинства домохозяйств, вполне готовых занять это место. В наиболее общем виде усилия по созданию этих условий должны быть направлены на выстраивание институциональной среды, способствующей сохранению и нормальному использованию потенциала "старых" и расширяющей ресурсы "новых" средних слоев.

* * *

Несмотря на *незавершенность* институциональных преобразований, *нестабильность* официальных правил игры и их *нелегитимность* для большей части субъектов микроуровня, современное институциональное пространство существенно отличается от дореформенного благодаря тем шагам, которые были сделаны по формированию новых экономических институтов. Вместе с тем степень продвижения к институциональному пространству западного образца отнюдь не такова, как могло бы показаться, если судить по формальным признакам тех или иных институтов, которые уже сегодня можно обнаружить в российской действительности. В современном институциональном пространстве многое из того, что официально провозглашалось, отсутствует, в то время как имеется многое из того, что не провозглашалось и с точки зрения долгосрочных целей реформ является нежелательным.

Современное институциональное пространство России характеризуется следующими основными особенностями: внедрением новых экономических и политических прав, которые существенно изменили ролевую систему общества; неактуальностью и нелегитимностью для большей части населения провозглашенных институционально-правовых изменений; ослаблением контроля со стороны государства за соблюдением правовых норм; активным нарушением властями разных уровней законных прав рядовых граждан; ослаблением горизонтального контроля за правильностью исполнения ролевых ожиданий; институционализацией неформальных и неправовых типов социальных взаимодействий; воспроизводством "административно-командных" правил игры в новых условиях; слабостью протестного потенциала индивидов, столкнувшихся с нарушением формальных "правил игры"; нестабильностью, изменчивостью "правил игры", их неформальностью.

О чем свидетельствуют эти особенности современного институционального пространства? Во-первых, о том, что в полном соответствии с теорией трансформационного процесса Т.И. Заславской непосредственным фактором институциональных изменений служат не столько целенаправленная деятельность элит – ведь, как показывает опыт, деятельность даже опытных реформаторов почти никогда не ведет к намечаемым целям, — и не обусловленное ею поведение массовых групп населения, а сложные *массовые трансформационные процессы*, концентрирующие итоги *разнонаправленной*, но и *взаимосвязанной* деятельности множества социальных субъектов. Среди них – и правящая элита, и предприниматели-новаторы, и руководители-консерваторы, и массовые слои, непосредственно не причастные к инновационной деятельности. И если активные представители массовых общественных групп оказывают влияние на институциональные преобразования *массовой инновационно-предпринимательской деятельностью* (т.е. использованием, развитием, закреплением новых норм и правил), то остальная часть общества — *реактивно-адаптационным поведением*, т.е. выбором и реализацией доступных этим субъектам способов адаптации к изменившимся условиям.

Во-вторых, отклонение декларируемых целей от результатов институциональных преобразований свидетельствует о важной роли массового трансформационного поведения субъектов микроуровня. Специфика последнего определяется как социокультурными особенностями микросубъектов, так и особенностями условий их жизнедеятельности. Сказывается и то, что субъекты низшего уровня в любых условиях имеют определенную свободу выбора способов поведения. Как показывают

³⁵¹ См.: Войтович С. Проблема социальных институтов в социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 2. С. 153.

исследования, сложность реформирования российской экономики в значительной степени определяется тем, что, в то время как российская экономическая культура больше тяготеет к восточному типу, более привлекательным и престижным для России традиционно остается Запад. В ходе современных реформ, как и прежде, за основу брались именно западные модели.

В-третьих, в доминирующих стратегиях адаптационного поведения степень обращения к новым правам и правилам игры невелика, в то время как *неправовые и неформальные* способы поведения сегодня демонстрируют свою эффективность и, закрепляясь в массовых социальных практиках, становятся важным элементом нового институционального пространства.

В сложившихся условиях важную роль играют нерыночные стратегии выживания домохозяйств (самообеспечение продуктами питания, сетевая неформальная взаимопомощь), указывающие на архаизацию экономической деятельности. Выбор этих стратегий выживания обусловлен падением денежных доходов населения за годы реформ, низким рыночным потенциалом домохозяйств (небольшими шансами их членов на рынке труда), ценностью родственных отношений, крестьянскими корнями городских домохозяйств и повышает уровень независимости домохозяйств от неопределенности рыночной экономики. Продукты и услуги, получаемые из этих источников, обуславливают низкий спрос на соответствующие продукты и услуги на потребительском рынке, что затрудняет развитие соответствующих секторов ориентированного на рынок производства. В результате развитие потребительского рынка качественных услуг и предметов длительного пользования в настоящее время определяют всего лишь четверть домохозяйств, а автомобилей и недвижимости – менее 5%.

Подрыв доверия населения к финансовым институтам, падение денежных доходов населения обусловили снижение и примитивизацию *сберегательной активности*. Произошел возврат к традиционным формам сбережений ("Сбербанк плюс чулок") при направлении возросшей части сбережений на улучшение жилищных условий. Как показывают исследования, время поиска новых альтернативных (и рискованных) форм вложений в негосударственном финансовом секторе в целом прошло.

Таким образом, в современных условиях у экономических субъектов микроуровня в большом числе случаев явно доминируют отклоняющиеся от рыночных практики, а именно: поведение, ориентированное на натуральную ("домашнюю"), иерархичную и теневую экономики, — в противовес "нормальному" рыночному поведению, предполагающему взаимовыгодные, разрешенные законом, равноправные обменные отношения.

Новая трудовая идеология, акцентирующая ценности высокого дохода и разнообразного материального потребления, а также частной инициативы, вступает в противоречие с особенностями российского *рынка труда*, на котором для большей части домашних хозяйств основным источником дохода является работа не в новом частном секторе, а в бюджетных и бывших государственных предприятиях (различных АО). Исследователи отмечают, что в настоящее время новый частный сектор, обеспечивая первичную занятость для 10-15% населения России и тем самым играя существенную роль на рынке труда, уже подошел к своим пределам. Это связано с тем, что он ограничивается в основном сферой торговли, услуг, легкой промышленности и поэтому не может заместить традиционные формы занятости.

Вместе с тем можно обозначить и определенные позитивные изменения в массовой трансформационной активности субъектов микроуровня. Прежде всего, произошел массовый рост самостоятельности, опоры на свои собственные силы, а не на помощь властей. Иными словами, возросло осознание того, что без опоры на собственные силы, без активных усилий по поиску своего места в новой институциональной среде, в современных условиях нельзя выжить или сохранить (повысить) прежний уровень и образ жизни. Формируются такие способы проектирования занятости, когда активные действия мыслятся в качестве нормы поведения. Наиболее характерны они для работников новых частных предприятий, ориентированных на максимизацию своего труда ради высокого заработка, и безработных. На уровне отдельных фирм уже сегодня также наблюдаются ростки "новой" экономической культуры, базирующейся на ценностях индивидуализма и независимости. Расширение их числа связывается с выходом на арену политики, хозяйственной и культурной жизни новых поколений – "восьмидесятников" и "поствосьмидесятников". Все эти позитивные изменения образуют потенциал – а при благоприятных внешних условиях станут важным фактором — дальнейших институциональных реформ. С созданием благоприятной институциональной среды связываются перспективы расширения и *среднего класса* как главного агента и ожидаемого результата институциональных реформ.

Институциональный анализ экономических субъектов, действующих на микроуровне, позволил выявить ряд факторов, требующих первостепенного внимания при осуществлении реформ. Исследования показали, что в сложившихся условиях только опора на собственные силы не позволяет большинству субъектов микроуровня успешно преодолевать имеющиеся социальные и экономические ограничители. Многое зависит от особенностей экономической и социальной политики *государства* (структурной, налоговой, денежно-кредитной, правовой, а также политики в области убеждения-разъяснения и др.). Именно политика государства породила такие правила игры, которые неоднократно подрывали имеющиеся у субъектов способы преодоления ограничений (утрата личных сбережений на входе и в процессе реформ, задержки с выплатой заработной платы от полугода до 2-3 лет, невыполнение государством своих обязательств за сданную продукцию, трудности получения кредитов и пр.). И все это, в свою очередь, сказалось на становлении доминирующих (доступных и предпочтительных) стратегий потребительского, трудового, финансового поведения микросубъектов — стратегий, которые сдерживают формирование соответствующих рынков.

Необходимость обращения к субъектам более высокого уровня обусловлена еще и тем, что в новом институциональном пространстве, в котором действуют микросубъекты, сегодня доминируют *неправовые и неформальные* способы поведения. Причем среди нарушителей законных прав рядовых граждан лидируют *власти разных уровней*, будь то центральные, местные органы власти или руководители предприятий, организаций, фирм. Нарушения прав властями стали массовыми, а противодействие им – редким, бесперспективным и небезопасным, что существенно затрудняет формирование рыночных правил игры. Поэтому, наряду с государством, необходимо рассмотреть и фирмы. Тем более, что "статус" труда как основного способа адаптации и важной сферы жизнедеятельности субъектов микроуровня актуализирует исследование доминирующих практик и правил игры в этой области. Институциональному анализу фирм и государства посвящены две последующие части.